

А.З. Хабибуллина

**ЭЛЕГИЧЕСКОЕ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
РУССКО-ТАТАРСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ Р.Х. КОЖЕВНИКОВОЙ)¹**

Аннотация

В настоящей работе впервые проведено исследование элегического модуса художественности в творчестве Розы Кожевниковой, русскоязычной поэтессы конца XX – начала XXI в. Данная тема связана с исследованием жанровых стратегий транскультурной литературы, восходящей к кодам русской и татарской культур. Установлено, что поэтика стихотворения «Элегия (Когда на кладбище осеннее...)» основана на традициях русской элегии, в частности, в ней узнаваемы черты кладбищенской элегии, которые тонко сочетаются также с другими моделями этого жанра. В то же время в лирике транскультурного автора выявлена значительная часть произведений, в которых ясно проявилась интенция к кодам татарской культуры. Исследование показало, что поэтика элегического произведения Р. Кожевниковой «Как в этот снежный март очередной...» репрезентирует «смещение» элегического в область татарской песни и родного (материнского) языка. Спецификой песни «Соңгы шәм» («Последняя свеча»), строчки которой вошли в содержание данного стихотворения, является звучание в нем моң – национального концепта, который передает самобытные черты татарского мировосприятия. Особое место в статье уделяется тем элегиям, в которых используются образно-мотивные комплексы татарской поэзии. Выявлено, что наиболее созвучным элегизму художественного мышления русскоязычного автора стала «осенняя» поэзия Зульфата, и прежде всего его стихотворение «В кострах осенних есть особенная грусть...». Сделан вывод о том, что рассмотрение элегического в творчестве Р. Кожевниковой имеет теоретическую значимость, так как позволяет глубже понять природу трансформаций этого лирического жанра не только в контексте современной русской элегии, но и русофонной транскультурной литературы, сложившейся на материале татарской этничности.

Ключевые слова

Элегический тип художественности; русская элегия; татарская поэзия; транскультурная литература, дискурс пограничья; культурная интерференция.

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Академии наук Республики Татарстан по проекту № 25-28-20082.

A.Z. Khabibullina

ELEGIAC AS A FORM OF REPRESENTATION OF THE RUSSIAN-TATAR BORDERLAND (BASED OF THE MATERIAL OF R. KOZHEVNIKOVA'S POETRY)¹

Abstract

This paper, for the first time, explores the elegiac mode of artistry in the works by a Russian-speaking poet of the late 20th–21st centuries, Roza Kozhevnikova. This topic is related to the examination of the genre strategies of transcultural literature, going back to the codes of Russian and Tatar culture. It is stated that the poetics of “Elegy (When on the Autumn Cemetery...)” poem is based on the traditions of Russian elegy; particularly, the features of cemetery elegy combining with the rest models of this genre are quite recognizable. Meanwhile, in the lyrics by the transcultural author, a large amount of works reflecting intension to the codes of the Tatar culture are revealed. The study revealed that the poetics of the elegy “As in this another snowy March...” by R. Kozhevnikova represents the “transition” of elegiac in the field of the Tatar song and mother tongue. The specificity of the “Songy shem” (“The last candle”), the lines of which are included in this poem, is the sound of mon which is the national concept representing original features of the Tatar worldview. Special attention is paid to those elegies that use imaginative and motive systems of the Tatar poetry. It is revealed that the most assonant to the elegiac of the artistic thinking of the Russian-speaking author is “autumn” poetry by Zulfat and first and foremost his poem “There is a special sorrow in autumn fires...”. The author concludes that the study of the elegiac in the works by R. Kozhevnikova has theoretical significance, allowing deeper understanding of the transformation nature of this lyrical genre not only within modern Russian elegy but in Russian phonic transcultural literature formed by the material of the Tatar ethnicity.

Key words

Elegiac type of artistry; Russian elegy; Tatar poetry; transcultural literature; borderland discourse; cultural interference.

Введение

Жанры и модусы художественности в русской транскультурной поэзии представителей этнических татар мало исследованы в современном литературоведении, в частности в компаративистике. Несмотря на возрастающий в настоящее время интерес многих ученых к феномену русскоязычной литературы на материале татарской этничности (К.К. Султанов [Султанов 2016], Э.Ф. Шафранская [Шафранская и другие 2024], В.Р. Аминова [Аминова 2020; Аминова 2021; Аминова 2022], И.А. Еникеев [Еникеев 2021], А.Н. Набиуллина [Набиуллина 2023], Д.Ю. Сырысева [Сырысева 2023]), исследование лирических жанров и модусов художественности как форм репрезентации русско-татарского пограничья – совершенно новый подход в рассмотрении такой литературы. Полагаем, что он позволит не только выявить сложный механизм «со-существования» в транскультурной парадигме разных жанровых традиций, но и исследовать особенности элегического типа художественности как наиболее устойчивой и узнаваемой поэтической формы в ней.

¹The study is financed by the grant of Russian Science Foundation and Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan on the project No. 25-28-20082.

Проблемизирующим и одновременно углубляющим исследовательскую концепцию фактором является то, что транскультурная поэзия этнических татар на рубеже XX–XXI вв. реализована в *дискурсе пограничья*, а именно, «рассеянной», промежуточной и транзитивной принадлежности к разным по своей языковой и эстетической природе литературам – русской и татарской. Эстетика и поэтика транскультурации проявляется на нескольких уровнях художественной структуры. Так, природу произведений, создаваемых на стыке с другим семиотическим миром, определяет феномен культурной интерференции, возникающей как «следствие взаимоналожения разных кодов и национально-художественных традиций» [Аmineva 2000, 292]. В специальных статьях В.Р. Аминовой, посвященных творчеству Равиля Бухараева (1951–2021) – поэта, чья идентичность сформировалась в условиях пограничья, выявлены черты культурной интерференции, наиболее ярко репрезентированной в его двух поэмах: «День мертвых» и «Моление о чаше» [Аmineva 2000; Аmineva 2021]. Исследователь полагает, что художественная картина мира в поэме «Моление о чаше» включена в сферу разных источников: Библии и Корана, произведений русской литературы (А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, А.А. Блока) и зарубежной классики (А. Данте, И.В. Гете, У. Шекспира), тюрко-татарской (Кул Гали) и персидской (Саади) поэзии, которые, находясь в поле диалога, не только создают множественность «аллюзийных и ассоциативных связей», но и порождают культурную интерференцию [Аmineva 2021, 292]. Последняя, в частности, проявилась в преодолении смысловых границ, которые, «с одной стороны, порождены европейской культурой и являются элементами ее целостного макроконтекста, с другой, восходят к восточным, прежде всего арабо-мусульманским кодам» [Аmineva 2021, 298].

По наблюдениям А.Н. Набиуллиной, «транзитивные смыслы, релевантные пограничному типу художественного сознания, реализуются и на уровне жанровой идентичности произведения» [Набиулина 2023, 169]. Диссертационное исследование А.Н. Набиуллиной содержит анализ интермедialности романов Г. Яхиной, С. Юзеева, Ш. Идиатуллина, прозы И. Абузярова как той сферы, в которой реализуется диалог традиций русской, европейской и татарской культур.

Продолжением этой темы может стать исследование жанровых стратегий русскоязычной поэзии, апеллирующей к разным истокам. Например, «длинные» произведения Р. Кутуя ориентированы на структурно-содержательные особенности жанровой формы «озын шигырь» в татарской лирике; «Молитвы» в творчестве Р. Кожениковой, Р. Бухараева, Р. Кутуя раскрывают смысловой потенциал молитвенного дискурса в русской (М.Ю. Лермонтов) и татарской (Г. Тукай, Ш. Бабич) литературах.

В свете сказанного рассмотрение элегического типа художественности приобретает особую актуальность и теоретическую значимость, так как позволяет глубже понять источники трансформаций этого лирического жанра не только в контексте русской поэзии конца XX – начала XXI в. [Артемова 2020, 28–32], но и русофонной транскультурной литературы, сложившейся на материале татарской этничности.

Материалы и методы исследования

Большое значение в развитии нашей концепции имеют труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам транскультурной литературы [Berry, Erpstein 1999; Tlostanova 2013; Султанов 2016; Шафранская 2023; Шафранская и другие 2024] и тезауруса тех понятий и категорий, которые позволяют описать ее основные черты. Установлено, что появление на рубеже веков парадигмы транскультурности, «подвижность оппозиции “центр – периферия”, культурная гибридность – эти влиятельные тенденции концептуально

оспаривают привычное доминирование канона, размыкая его границы и стимулируя мобильность национальной литературы, связь которой с “постоянным местом прописки” перестает быть абсолютной» [Султанов 2016, 159]. Русскоязычное творчество писателей и поэтов этнических татар наиболее полно раскрывает феномен русско-татарского пограничья, который «одинаково важен для идентификации национальной межлитературной общности как в системе русской литературы, так и татарской» [Шафранская и другие 2024, 19]. Его исследование основывается на целом ряде методологических стратегий, среди которых значимым является дискурс-анализ, опирающийся на такие концептуальные аспекты инонационального бытия, как язык, время, топосы и локусы, мифопоэтика, поиск самоидентификации героя.

В изучении категории элегического мы опираемся на внушительный корпус теоретико-методологических исследований, среди которых особое место заняли работы В.И. Тюпы [Тюпа 2004], Д.М. Магомедовой [Магомедова 1996], С.С. Сендеровича [Сендерович 1982], В.И. Козлова [Козлов 2013], О.В. Зырянова [Зырянов 2003, 101–123.], Е.Н. Роговой [Рогова 2005]. Элегическое рассматривается нами на уровне модуса художественности, основу которого образует «недостаточность внутренней заданности бытия (“я”) относительно его внешней заданности (событийной границы)» [Тюпа 2004, 70]. По мнению О.В. Зырянова, элегический тип художественности «относится к дисгармоничным формам человеческого отношения к миру» [Зырянов 2003, 115]. Находясь в его парадигме, лирический субъект переживает состояние углубленности в свой внутренний мир, которое по-своему коррелирует с движением времени, подобно ускользающему потоку. В элегическом модусе художественности концептуальное значение имеет тема воспоминания и осознание жизни как утраты, т.е. того, что вернуть невозможно. В частности, В.И. Козлов, опираясь на элегическое творчество русских поэтов XIX–XX вв., полагает, что «во всех элегиях в том или ином виде имеем настоящее в ценностном свете прошлого» [Козлов 2013, 20]. Важный аспект, на который обращают внимание многие исследователи [Тюпа 2004, 70–71; Рогова 2005, 8–9; Зырянов 2003, 119–123], состоит в том, что элегический тип художественности, формируясь на почве элегии и раскрывая в ней свое содержание, в литературе нового времени перерастает границы этого жанра и отделяется от него.

Материалом исследования является творчество русскоязычной поэтессы *Розы Хабируновны Кожевниковой (Баубековой) (1950–2007)*. Несмотря на то, что элегизм свойствен творчеству многих русскоязычных поэтов-татар (Р. Бухараеву, Р. Кутую, А. Каримовой), именно лирика Р. Кожевниковой вобрала в себя его важнейшие черты, проявившиеся на разных уровнях поэтики ее произведений: хронотопа, субъектно-объектных отношений, мотивов воспоминания, пограничного положения между жизнью и смертью, движения времени.

Результаты и их обсуждение

Элегизм художественного мышления Р. Кожевниковой сложился на пересечении традиций русской и татарской литератур. Среди таких произведений достаточно большая часть восходит к образцам русской классической элегии. К примеру, в стихотворении «Элегия (Когда на кладбище осеннее...», в котором достаточно ясно звучит тема смерти и необратимости человеческого бытия, создается топос кладбища, усиливающий состояние уединенности и погружения в размышления о тленности жизни, о ее истинных и ложных ценностях. С

одной стороны, элегия транскультурного автора достаточно близка к одной из самых ранних элегий в русской поэзии XIX в. – кладбищенской элегии, тонко сочетая ее особенности с другими моделями элегического жанра – «ночной» и «осенней» элегий [Козлов 2013, 33–69, 240–253]. Стихотворение не просто раскрывает топос унылого кладбища, но и подчеркивает то время суток – ночь, которое способствует погружению лирического субъекта в мысли о себе и Вечной природе:

Когда на кладбище осеннее
Такси ночное завезет,
Большого города гудение
Когда медлительно замрет,
Когда впитаются мгновения
Ночного времени во тьму
Пространства за оградой тления
И прекратится бег минут,
Когда табло погаснет счетчика
И биться прекратит мотор, –
Подскажет сердце вдруг находчиво,
Что в жизни вздор, а что не вздор [Кожевникова 2016, 95].

Несомненно, поэтика данного произведения ориентирована на элегическую традицию в русской поэзии, в которой элегия как жанр и модус художественности приобрел совершенные черты. Так, в данном стихотворении, как и в других ее элегических произведениях («Когда болезнью срок отпущен небольшой...», «Когда из жизни вдруг уходят...», «Когда бы знать, что ничего...»), используется конструкция со словом «когда», создающая особый тип лирического высказывания, в которой, по мнению С. Сендеровича, задана «смысловая установка и способ развития мысли» [Сендерович 1982, 64]. Основной элегический тон данному стихотворению придают мотивы убегающего времени, сердечной тоски и воспоминания о прошлом. Их связь между собой подчеркивает олицетворенный образ «памяти», который, с одной стороны, соположен образу беспокойного, тревожного сердца, с другой – образу деревьев, создающего картину хаотичного движения осенних листьев, подобно перелистыванию событий прошлого:

И будет биться, биться истово
Как бы ответ ища во тьме,
Деревьев память перелистывать
В настороженной тишине [Кожевникова 2016, 95].

Созданный намек на опадающую листву, которая является едва заметным «следом» памяти о пройденной жизни, раскрывает углубленность рефлексии лирического субъекта как суть его элегического «я».

Мотивы тоски по утраченным возможностям, необратимой любовной разлуки, наконец, образ кленового листа, укрывающего, подобно снегу, воспоминания о счастливым прошлом, звучит в элегии Р. Кожевниковой «Нашедшая тебя, я вскоре тебя потеряю», эпиграфом к которой стали строчки из элегического стихотворения В.А. Жуковского «Утешение в слезах»: «Как вам, счастливым, то понять, / Что понял я с тоской» [Кожевникова 2016, 135].

Значительный интерес для нас представляют также те стихотворения Р. Кожевниковой, в которых проявилась отчетливая апелляция к кодам татарской культуры. Так, размыкание жанровых и языковых границ свойственно ее стихотворению «Как в этот снежный март очередной...» [Кожевникова 2016, 136]. Элегическое в нем основано на совмещении разных временных пластов (прошлого и настоящего) и переходности душевного состояния лирического субъекта, в котором есть место и душевной тоске, грусти, и воспоминанию об утраченной любви:

Как в этот снежный март очередной
 Все безысходно, зябко и темно
 Среди бела дня – и властно править мной
 Лишь прошлому безжалостно дано,
 Когда навязчиво, как аудиоклип,
 Звучит, былых касаясь сердцу ран:
 «Син минеке, мин синеке булып
 Икебезгэ яшәү язмаган» (перевод с татарского языка – «Тебе быть
 моим, мне быть твоей / Нам не суждено...») [Кожевникова 2016, 136].

Включение в стихотворение строчек из татарской песни Р. Кучемовой «Соңгы шәм» («Последняя свеча») своего рода «смещает» элегическое в область поэтики другого, песенного жанра, и родного (материнского) языка, создавая удивительный полилог разных по своей природе художественных миромоделей как формы репрезентации пограничья. Спецификой данной песни является то, что в ее содержание входит *моң* – непере译имый концепт, который, с одной стороны раскрывает уникальные черты национального характера татар (интровертированность, неоткрытость в выражении чувств), с другой – выражает «глубоко внутреннее состояние часто беспричинной тоски и печали, которые имеют подсознательную природу и проявляются наиболее остро в моменты душевных томлений» [Галиева, Нагуманова 2013, 247]. Полагаем, что звучание в стихотворении Р. Кожевниковой отрывка песни на родном языке с «моң» усилило в нем черты «татарскости», а также обогатило элегическую модальность «новыми» нюансами смыслов, связанных, в частности, с представлением о судьбе, о предопределенности в жизни и любви как наиболее значимым для татарского мировосприятия в целом.

Особое место в лирике Р. Кожевниковой занимают элегии, в которых используются образно-мотивные комплексы татарской элегической поэзии. В данном контексте значимыми выступают параллели с традициями татарской элегии, в которой образ увядания осенней природы является мощным источником рефлексии и погружения лирического субъекта в свой внутренний мир. Полагаем, что наиболее созвучным элизму художественного сознания Р. Кожевниковой стала «осенняя» поэзия Зульфата (Д.У. Маликов, 1947–2007), татарского автора, стихотворения которого она не раз переводила на русский язык [Кожевникова 2000, 186–195; Кожевникова 2016, 204–205; Зульфат 2007, 109–121]. Ее переводы уникальны, мелодичны, они основаны на созвучии элегического типа мышления двух поэтов, общности их тем и основных мотивов, сложившихся в парадигме диалога татарской и транскультурной литератур.

Среди художественных переводов Р. Кожевниковой выделяется одно из самых пронзительных произведений национального поэта – «Көзге уачкарда сәер монсулык бар...» («В кострах осенних есть особенная грусть...») [Зуль-

фат 2007, 120]. Развернувшаяся в самом начале произведения картина угасающей природы, граничит здесь с представлением о смерти, об уходе из земного бытия, создавая такие условия для медитации, которые, по определению В.И. Козлова, «выходят за пределы индивидуального “я”» и раскрывают переживания «общечеловеческого масштаба» [Козлов 2013, 242].

Центральным образом в элегии Зульфата является образ осеннего костра («көзге учак») – символ печального сердца, хранящего в себе тоску по несбывшимся надеждам:

В дрожащем пламени
Костров осенних есть
Своя печальная
Особенная весть...
Да, это время не для встреч,
А для разлук,
Да, это песнь кому-то вслед
Простертых рук.
Уходит поезд, и гудок его,
Как стон,
Уходит поезд вдаль,
В закатный небосклон.
Уходят птицы,
оставляя в гнездах грусть,
Уходит удаль
сумасбродных наших чувств (перевод Р. Кожевниковой)
[Зульфат 2007, 120].

По мнению В.Р. Аминовой, «вступая в сотворчество с автором оригинального произведения, переводчица нередко идет по пути усиления эмоционально-суггестивной составляющей текста» [Аминова 2022, 88]. Такими новыми, возникающим от индивидуально-творческого сознания Кожевниковой, переживающей поиск смысла собственной жизни, являются в образы яра («яр» – в переводе с татарского языка означает «берег / береговой») и коня-тулпар (крылатый небесный конь в тюркской мифологии), которые усиливают звучание мотива невозвратности молодости, ее ярких и смелых душевных порывов, необратимости прошлого:

Да, было время –
Полыхал большим огнем,
На ветке вербы
Заливался соловьем,
Врывался в дали
Золотистые стремглав,
Парил свободно
Во владениях орла,
И у безбрежных рек был
Мне доступен яр!..
Но так меня и не дождался
Конь-тулпар! [Зульфат 2007, 120].

Привнесение в текст элегии Зульфата нового содержания, существующего в контексте тюркских традиционных образов и материнского языка, подчеркивает транзитивность, промежуточность художественного мышления переводчицы как фактор «размывания» границ элегического модуса художественности.

Особенностью татарской элегии, по сравнению с элегией в русской поэзии, является то, что разграничение в ней сферы субъективного и объективного репрезентировано в менее определенных формах. Так, в элегиях многих татарских поэтов конца XX–XXI вв. (Зульфата, Р. Ахметзянова, Р. Зайдуллы, Г. Мората, Ф. Сафина) собственная структура лирического субъекта, его личное «я», строго не противопоставлена окружающему миру, природе в целом. В анализируемой же элегии Зульфата данная черта поэтики выражается через тонкую корреляцию драматического переживания субъектом быстротечности времени, утраченных возможностей, того, что не позволило сохранить любовь, с образами действительности, внешнего бытия (улетающих птиц, опадающих листьев, осеннего костра, поющего соловья). В своем единстве они создают представление о несовершенстве и малости человека по сравнению с вечной и мудрой природой.

Параллелью в элегических стихотворениях Зульфата на татарском языке и оригинальных произведений Р. Кожевниковой выступают образы опавших листьев и листопада, символизирующих текучесть, подвижность и неуловимость времени – непреодолимого закона бытия. Так, элегическое отношение к миру в стихотворении Зульфата «Яфрак төшкән инде юлга...» («Уже листва опала на дорогу...») [Зелфат 1995, 250] вызвано осознанием невозможности вернуть молодость, прежнюю любовь, высокие мечты. Образы листвы на пути лирического субъекта и особенно, последнего желтого листа у его ног («Минем алга ялгыз каен ботагыннан / Сонгы яфрак, сары яфрак өзелеп төшкән» [Зелфат 1995, 250] – «И лист сорвался с ветви березы одинокой, / И упал передо мной последний, желтый» (перевод наш – А.Х.)), раскрывают сферу объективного в элегии – осенней природы, которая на метафорическом языке передает угасание жизни и необратимую разлуку с той, которая осталась в его памяти как идеал.

Подобно элегической лирике Зульфата образ опавшей желтой листвы в элегиях Р. Кожевниковой является сквозным. Например, в элегии «Ты говорил...» он связан с мотивом расставания, порождая при этом новый смысл, основанный на сопоставлении опавшей листвы со словом:

И взор луны осенней глух и нем –
Угасших сотни в нем в зачатке тем.
Летит с деревьев желтая листва –
Безжизненные горькие слова [Кожевникова 2000, 49].

В элегическом четверостишии «...И под ноги листва безмолвная падет» мотив осени и образ листвы наделяются семантикой очищения от иллюзий и напрасной веры в любовь:

...И под ноги листва безмолвная падет,
И высь от зноя летнего остынет, –
Настанет ясности и мудрости черед.
И тайны слов твоих увижу я пустыми...
[Кожевникова 2016, 44].

Отметим, что образ шелестящего дерева, т.е. дерева с живой, «звучащей» листвой, в стихотворении «Карагашам» (карагаши – тюркская этническая группа Астраханской области, к которой принадлежали предки поэтессы) является частью развернутого сравнения, которое уже в самом начале стихотворения входит в дискурс самоидентификации лирического субъекта, осознавшего в пору своей зрелости пограничность, зыбкость своего бытия:

Среди своих – почти чужая,
Среди чужих, конечно, не своя, –
Как дерево,
чей шелест в мае,
Увы, непостижим родным краям [Кожевникова 2000, 82].

Заключение

Исследование подтвердило, что элегическое в поэзии Р. Кожевниковой складывается в парадигме двух близких ей культур – русской и татарской, которые в ее сознании не противопоставлены друг другу, а со-существуют между собой по принципу дополнительности и согласия. Элегическое отношение к миру в ценностной парадигме двух культур проявилось в творчестве Р. Кожевниковой в той необходимой для этого жанра погруженности в себя, «в движении смысла вглубь» [Сендерович 1982, 135], в котором стремление открыть тайны своего происхождения выступает необходимым условием для самоидентификации лирической героини. К примеру, в элегическом стихотворении «Карагашам» в исповедальной форме она признается в своей особой идентичности как судьбе, и этот момент откровения позволяет ей понять свое место среди других и одновременно выразить сопричастность к общему и национальному.

Нами также выявлены параллели между «осенней» элегической поэзией Зульфата и Р. Кожевниковой, что дало возможность рассматривать творчество русскоязычной поэтессы в неразрывной связи с традициями национальной поэзии. В тоже время, как показал наш анализ, художественное мышление поэтессы отличается транзитивностью, существуя как в парадигме «своего», так и «чужого». В этом аспекте трансформация элегии в ее творчестве имеет особенные черты, обусловленные спецификой пограничного, «гибридного» типа мышления автора. Так, в переводе на русский язык элегии Зульфата «В кострах осенних есть особенная грусть...» Р. Кожевникова не только сохраняет узнаваемые свойства элегического жанра и соответствующего ему модуса художественности, но также выходит за их пределы: в переводном произведении звучат слова тюркского происхождения (яр, тулпар) и создается образ крылатого коня как символа свободы – мифологического персонажа многих татарских (шире – восточных) сказаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аминева В.Р. Перевод как формы репрезентации культурного пограничья // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2022. № 6. С. 84–92.
2. Аминева В.Р. Поэма Р. Бухараева «День мертвых»: пути самоидентификации лирического субъекта // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 6 (2). С. 292–299.

3. Аминова В.Р. Поэма Р. Бухараева «Моление о Чаше» как транскультурный текст // *Филологические науки. Научные доклады высшей школы*. 2021. № 6 (2). С. 290–298.
4. Артемова С.Ю. Трансформация жанров русской лирики в XX веке: автореф. дис. ... д. филол. н.: 10.01.08. Тверь, 2020. 44 с.
5. Галиева А.М., Нагуманова Э.Ф. Особенности передачи национально-специфических концептов в переводных текстах (на примере концепта *Моң*) // *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*. 2013. Т. 155. № 2. С. 245–252.
6. Еникеев И.А. Русскоязычная литература Татарстана (1960–2020 гг.). Казань: ИЯЛИ, 2021. 120 с.
7. Зөлфәт (Маликов З.Г.). Ике урман арасы. Эссе, шигырьләр, жырлар, поэмалар. (Среди лесов. Эссе, стихотворения, песни, поэмы). Казан: Татар китап нәшрияты, 1995. 287 б.
8. Зульфат // *Казанский альманах* / гл. ред. А.Х. Мушинский. 2007. № 3. С. 109–121.
9. Зырянов О.В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2003. 548 с.
10. Кожевникова Р.Х. Меж светом и тьмой. Стихи и переводы разных лет. Казань: Татарское книжное издательство, 2000. 223 с.
11. Кожевникова Р.Х. Остаться в декабре: стихи и переводы. Казань: Татарское книжное издательство, 2016. 223 с.
12. Козлов В.И. Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории. М.: Языки славянской культуры, 2013. 280 с.
13. Магомедова Д.М. Взаимодействие литературных и речевых жанров в поэтическом тексте (элегия) // *Язык как творчество: сб. к 70-летию В.П. Григорьева*. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 111–118.
14. Набиуллина А.Н. Феномен транскультурации в современной русскоязычной прозе (на материале произведений И. Абузярова, Г. Яхиной, Ш. Идиатуллина, А. Хаирова): дис. ... к. филол. н.: 5.9.3. Казань, 2023. 211 с.
15. Рогова Е.Н. Элегический модус художественности в литературном произведении: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.08. М., 2005. 19 с.
16. Сендерович С. Алетейя. Элегия Пушкина «Воспоминание» и проблемы его поэтики. Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1982. 281 с.
17. Султанов К.К. Русскоязычная литература как культурный феномен и объект изучения // *Stephanos*. 2016. Т. 3. С. 154–162.
18. Сырьсева Д.Ю. Магический реализм в русскоязычной прозе современных татарских писателей: автореф. дис. ... к. филол. н.: 5.9.1. М., 2023. 32 с.
19. Тюпа В.И. Эстетическая природа литературы // *Теория литературы: учеб. пособие для студентов филол. факульт. высш. учеб. заведений: в 2 т. / под ред. Д.Н. Тамарченко*. Т. 1. М.: Академия, 2004. С. 43–77.
20. Шафранская Э.Ф. Буквы, память, язык: о русской транскультурной литературе // *Полилингвальность и транскультурные практики*. 2023. Т. 20. № 1. С. 55–65.
21. Шафранская Э.Ф. Транскультурная литература XXI века: учебное пособие для вузов / Э.Ф. Шафранская, Г.Т. Гарипова, Ш.Р. Кешфинова. М.: Юрайт, 2024. 235 с.
22. Berry E., Epstein M. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication*. New York, St. Martin's Press. 1999. 340 p.
23. Tlostanova M.V. *Transcultural tricksters beyond times and spaces: decolonial chronotopes and border selves* // *Language. Philology. Culture*. 2013. № 2–3. P. 9–31.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Amineva V.R. *Perevod kak formy reprezentatsii kul'turnogo pogranič'ya* [Translation as the Forms of Cultural Borderland Representation]. *Filologičeskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*, 2022, no. 6, pp. 84–92. (In Russian).
2. Amineva V.R. *Poema R. Bukharayeva "Den' mertvykh": puti samoidentifikatsii liricheskogo sub'yekta* [R. Buharaev's Poem "The Day of the Dead's": Ways of Self-identifica-

tion of the Lyrical Subject]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*, 2020, no. 6 (2), pp. 292–299. (In Russian).

3. Amineva V.R. Poema R. Bukharayeva “Moleniye o Chashe” kak translul'turnyy tekst [R. Buharaev's Poem “Praying for a Cup”]. *Filologicheskiye nauki. Nauchnyye doklady vysshey shkoly*, 2021, no. 6 (2), pp. 290–298. (In Russian).

4. Galiyeva A.M., Nagumanova E.F. Osobennosti peredachi natsional'no-spetsificheskikh kontseptov v perevodnykh tekstakh (na primere kontseptov Моң) [Features of National Specific Concepts in Translated Texts (on the Example of Mong Concept)]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki*, 2013, vol. 155, no. 2, pp. 245–252. (In Russian).

5. Shafranskaya E.F. Bukvy, pamyat', yazyk: o russkoy translul'turnoy literature [Letters, Memory, Language: about Transcultural Literature]. *Polilingval'nost' i translul'turnyye praktiki*, 2023, vol. 20, no. 1, pp. 55–65. (In Russian).

6. Sultanov K.K. Russkoyazychnaya literatura kak kul'turnyy fenomen i ob'yekt izucheniya [Russian-language Literature as a Cultural Phenomenon and Object of Study]. *Stephanos*, 2016, vol. 3, pp. 154–162. (In Russian).

7. Tlostanova M.V. Transcultural Tricksters beyond Times and Spaces: Decolonial Chronotopes and Border Selves. *Language. Philology. Culture*, 2013, no. 2–3, pp. 9–31. (In English).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

8. Magomedova D.M. Vzaimodeystviye literaturnykh i rechevykh zhanrov v poeticheskom tekste (elegiya) [Interaction between Literary and Speech Genres in the Poetic Text (Elegy)]. *Yazyk kak tvorchestvo: sbornik k 70-letiyu V.P. Grigor'yeva* [Language and Creativity: Compilation Dedicated to the 70th Anniversary of V.P. Grigor'ev]. Moscow, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language Publ., 1996, pp. 111–118. (In Russian).

9. Tyupa V.I. Esteticheskaya priroda literatury [The Aesthetic Nature of Literature]. Tamarchenko D.N. (Ed.). *Teoriya literatury: uchebnoye posobiye dlya studentov filologicheskikh fakul'tetov vysshikh uchebnykh zavedeniy* [Theory of Literature: A Textbook for Students of Philology Faculties in Higher Educational Institutions]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, Akademiya Publ., 2004, pp. 43–77. (In Russian).

(Monographs)

10. Berry E., Epstein M. *Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication*. New York, St. Martin's Press., 1999. 340 p. (In English).

11. Kozlov V.I. *Russkaya elegiya nekanonicheskogo perioda: ocherki tipologii i istorii* [Russian Elegy of Non-canonic Period: Essays of Typology and History]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2013. 280 p. (In Russian).

12. Senderovich S. *Aleteyya. Elegiya Pushkina “Vospominaniye” i problemy yego poetiki* [Aleteya. “Reminiscence” Elegy by Pushkin and Its Poetical Issues]. Wien, Wiener Slawistischer Almanach, 1982. 281 p. (In Russian).

13. Shafranskaya E.F., et al. *Transkul'turnaya literatura XXI veka: uchebnoye posobiye dlya vuzov* [Transcultural Literature of the 21st Century: A Textbook for Universities]. Moscow, Urayut Publ., 2024. 235 p. (In Russian).

14. Yenikeyev I.A. *Russkoyazychnaya literatura Tatarstana (1960–2020 gg.)* [Russian-language Literature of Tatarstan (1960s–2020)]. Kazan, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Publ., 2021. 120 p. (In Russian).

15. Zyryanov O.V. *Evolutsiya zhanrovogo soznaniya russkoy liriki: fenomenologicheskij aspekt* [Evolution of the Genre Consciousness of the Russian Lyrics: Phenomenological Aspect]. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2003. 548 p. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

16. Artemova S.Yu. *Transformatsiya zhanrov russkoy liriki v XX veke* [The Genre Transformation in Russian Lyrics of the 20th Century]. PhD Thesis Abstract. Tver, 2020. 44 p. (In Russian).

17. Nabiullina A.N. *Fenomen transkul'turatsii v sovremennoy russkoyazychnoy proze (na materiale proizvedeniy I. Abuzyarova, G. Yakhinoy, Sh. Idiatullina, A. Khairova)* [Trans-cultural Phenomena in Contemporary Russian-language Prose (on the Material by I. Abuzyarov, G. Yahina, Sh. Idiatullin, A. Hairov's Works)]. PhD Thesis. Kazan, 2023. 211 p. (In Russian).

18. Rogova Ye.N. *Elegicheskiy modus khudozhestvennosti v literaturnom proizvedenii* [Elegiac Mode of Artistry in the Literary Work]. PhD Thesis Abstract. Moscow, 2005. 19 p. (In Russian).

19. Syryseva D.Yu. *Magicheskiy realizm v russkoyazychnoy proze sovremennykh tatarskikh pisateley* [Magical Realism in the Russian-language Prose of Contemporary Tatar Writers]. PhD Thesis Abstract. Moscow, 2023. 32 p. (In Russian).

Хабибуллина Алсу Зарифовна,

Казанский (Приволжский) федеральный университет.

Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы и методики ее преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации.

Научные интересы: теория литературы, компаративистика, сопоставительная поэтика, сопоставительная жанрология.

E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3332-4066

Alsu Z. Khabibullina,

Kazan (Volga region) Federal University.

Doctor of Philological sciences, Assistant professor at the Department of Russian Literature and Methodology of the Institute of Philology and Cross-cultural Communication.

Research interests: theory of literature, comparative studies, poetics and genre studies.

E-mail: Alsu_Zarifovna@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3332-4066